

Предлагаемая книга своимъ появленіемъ вызоветъ вопль возмущенія въ научномъ мірѣ, если она удостоится вниманія маститыхъ авторитетовъ. Но гораздо болѣе вѣроятно, она будетъ обойдена полнымъ молчаніемъ научной критики и на всѣ парадоксальныя утвержденія, странные факты и необычныя математическія формулировки, которыя онъ найдетъ въ этомъ трудѣ, читатель, воспитанный въ старыхъ традиціяхъ, пожавъ плечами, спокойно скажетъ: „абсурдъ!“ Онъ употребитъ по отношенію къ новымъ взглядамъ то самое выраженіе, которое бросаетъ авторъ этой книги по адресу того отдѣла физической науки и механики, который, пожалуй, считается наиболѣе разработаннымъ и непогрѣшимымъ.

Мой уважаемый учитель и другъ, на зарѣ моей научной дѣятельности толкнувшій меня на путь изслѣдованія душевной жизни съ точки зрѣнія физики, когда я сообщилъ ему о томъ, что по моимъ изслѣдованіямъ матерьяльное тѣло при извѣстныхъ условіяхъ можетъ сдѣлаться не вѣсомымъ, дружески предостерегъ меня, чтобы я не касался столь опасныхъ вопросовъ и тѣмъ не подвергалъ себя риску попасть въ роли пациента въ Виленскую Окружную Лечебницу, изъ коей я былъ изъятъ въ качествѣ директора.

Тѣла при извѣстныхъ условіяхъ теряютъ вѣсъ; покоящееся тѣло не обладаетъ массой, а движущееся при опредѣленной скорости не обладаетъ вѣсомъ. Жидкости не обладаютъ массой въ томъ видѣ, въ какомъ она присуща твердымъ тѣламъ. Взаимнаго притяженія матерьяльныхъ тѣлъ, какъ это рисуетъ теорія всемірнаго тяготѣнія—не существуетъ; потенціальной энергіи положенія нѣтъ. Три закона движенія Ньютона совершенно не вѣрны. Ученіе о параллелограмѣ силъ въ смыслѣ сложенія вѣрно лишь отчасти, а все ученіе о разложеніи силъ безусловно не вѣрно. Центра тяжести не существуетъ. Законъ Архимеда объясняется совершенно иначе. Математическая формулировка основныхъ физическихъ явленій не вѣрна. Даже основная формула энергетики, выражаемая равенствомъ или измѣряемостью работы живою силою и обратно не вѣрна и т. д. и т. д.

Не правда-ли достаточно абсурдовъ для того, чтобы говорить о психопатическомъ мышленіи? И какъ возможно было дойти до подобныхъ парадоксовъ и научныхъ каррикатуръ?

Этого не можетъ быть?—скажете Вы, читатель, вѣрный преданіямъ старины? Ну и остановитесь, не тратьте времени и силъ на чтеніе этого труда. Тѣхъ же, кто смѣлою мыслью не боится помрачить свои кумиры, я призываю, вооружившись небольшимъ терпѣніемъ

послѣдовать за мною въ дебри новыхъ, лишь намѣчаемыхъ вопросовъ и странныхъ фактовъ.

Слушая почти двадцать лѣтъ тому назадъ лекціи физики на первомъ курсѣ университета, я думалъ, что этотъ отдѣлъ науки достигъ своего высшаго развитія и что не остается будущимъ изслѣдователямъ поля для дальнѣйшихъ работъ. Все, что представлялось облеченнымъ въ математическія формулы, говорили намъ, непогрѣшимо и истинно. Всѣ усовершенствованія техники и изобрѣтенія удивительныхъ приборовъ суть ничто иное, какъ практическое приложеніе основныхъ, непогрѣшимыхъ положеній физики.

И однако именно къ тому періоду времени относятся новые факты и теоритическія положенія установленныя Herz'омъ, удивительныя изслѣдованія Рентгена, открытіе радія, все ученіе о невидимыхъ лучахъ и о лучистой энергіи.

Установленный въ сороковыхъ годахъ Robert'омъ Mayer'омъ законъ сохраненія энергіи, принципъ единства физическихъ силъ, хорошо помирился съ фактами и математическими формулами старой физики и великій законъ, самъ облеченный въ совершенно невѣрную и непонятную математическую формулу

$$ph = \frac{mv^2}{2}$$

сталъ исходнымъ пунктомъ ряда заблужденій и невѣрныхъ выводовъ.

Я долженъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ образомъ я пришелъ къ изложеннымъ ниже выводамъ. Работая въ 1894—1896 г. въ химической лабораторіи Харьковскаго Технологическаго Института покойнаго глубоко чтимаго мною профессора И. М. Пономарева, надъ нѣкоторыми вопросами органической химіи, я вынужденъ былъ подробно ознакомиться съ основными принципами только что развивавшейся тогда энергетики и теоретической химіи. Стройная картина мірозданія, какъ цѣлаго, природа подчиненная общему и единому закону, конечно весьма привлекала симпатіи изслѣдователя задумывавшагося надъ сущностью явленій окружающей его природы.

Какъ психіатръ и психологъ по специальности, я не могъ не задаться вопросомъ о томъ, какое положеніе въ этомъ стройномъ аккордѣ міровыхъ явленій, занимаютъ душевные процессы приущи живому организму и попытался связать ихъ съ остальными явлениями природы.

Въ то время всѣ попытки моихъ предшественниковъ въ этомъ направленіи считались неудавшимися и въ психологіи царилъ принципъ психофизическаго параллелизма.

Работая въ тиши лабораторіи я много думалъ и колебался. Временами я чувствовалъ свое безсиліе и мнѣ казалось, что душа

въ своей сущности дѣйствительно неуловима, что законы, которымъ она подчиняется иные чѣмъ тѣ, которые царятъ во всей природѣ, и не познаваемы. И каждый разъ я вновь и вновь задавалъ себѣ тѣ же вопросы, говорилъ, что должна же быть связь этого таинственнаго факта природы съ остальными явленіями и я искалъ ее.

Результатомъ многолѣтней работы явилась моя теорія энергетической психологіи, въ которой я рассматриваю душу какъ форму психической энергіи, подчиненную закону сохраненія, возникающую и превращающуюся въ другія формы физическихъ силъ по закону эквивалентныхъ отношеній. Физическое превращается въ психическое и обратно. Въ такомъ энергетическомъ ученіи мы приближаемся къ полной системѣ монизма, устанавливающей принципъ единства мірозданія и общности законовъ природы безъ всякихъ исключеній по отношенію къ психическимъ явленіямъ. Это ученіе опубликовано въ рядѣ моихъ работъ: 1) Законъ сохраненія энергіи въ примѣненіи къ психич. дѣятельности человѣка 1897 г. 2) Ученіе о памяти съ точки зрѣнія теоріи психической энергіи 1903 г. 3) Энергетическая психологія вып. I, 1905 г. 4) Ощущенія какъ элементы психики съ точки зрѣнія энергетики 1907 г. Невр. Вѣстн. вып. 2.

Въ послѣднее время трудъ энергетической психологіи законченъ мною полностью, но лежитъ въ рукописи за неимѣніемъ матеріальныхъ средствъ къ его напечатанью, отдѣльныя же главы не могутъ быть помѣщены въ спец. журналахъ вслѣдствіе ихъ чрезмернаго объема.

Работая надъ вторымъ томомъ своей энергетической психологіи и остановившись надъ вопросомъ о превращеніи внѣшнихъ физическихъ раздраженій въ ощущенія, я натолкнулся на рядъ крупныхъ затрудненій, ибо нѣкоторые процессы въ органахъ чувствъ не удавалось подчинить закону сохраненія энергіи.

Въ послѣдней моей работѣ, напечатанной въ Невр. Вѣстн. за 1907 г. всѣ эти затрудненія отмѣчены и, конечно, я долженъ былъ постараться ихъ преодолѣть. Въ области психологіи и фізіологіи я ошибокъ не нашель. Оставалось пересмотрѣть соотвѣтствующія положенія физики. Я заново прошелъ курсъ физики и нѣкоторыхъ отдѣловъ математики. Будучи знакомъ съ новѣйшими положеніями энергетики (Оствальдъ), я посмотрѣлъ съ ихъ точки зрѣнія на старыя ученія физики и единственной выводъ, который я могъ сдѣлать былъ тотъ, что того, о чемъ говоритъ въ первомъ своемъ отдѣлѣ современная физика—съ точки зрѣнія закона сохраненія энергіи—не можетъ быть.

Когда шагъ за шагомъ я развертывалъ свои положенія—со мной случилось тоже, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ при разра-

боткѣ и установкѣ новыхъ положеній психологій: я испытывалъ самъ величайшее изумленіе передъ тѣми выводами, къ которымъ приходилъ и передъ тѣми фактами, которые наблюдалъ. Какъ и всякій смертный, скованный рутиною и вѣря въ непогрѣшимость старыхъ традицій, я боялся того, что находилъ, возмущался, опровергалъ. Мнѣ жалко было разстаться съ тѣмъ, что я съ большимъ трудомъ позналъ. Но затѣмъ я убѣдился силою необходимости въ истинности новыхъ и въ невѣрности старыхъ положеній. Пусть не думаетъ читатель, что я легко и радостно хватался за новые выводы. И мнѣ ихъ признаніе, примиреніе съ еретическими парадоксами давалось не легко. Сколько-разъ, раньше Васъ, я повторялъ все тѣ же слова, которые будете скоро твердить и вы: это невозможно, это парадоксально, это, наконецъ абсурдно!

— А все таки это такъ! соглашался я въ концѣ концовъ.

Результатомъ этой работы явилась полная переработка перваго отдѣла физики и механики. Я долго старался, какъ нибудь примирить свои положенія съ общеисповѣдуемыми. Желая подѣлиться своими взглядами я долго пытался смягчить ихъ формулировку, чтобы не рѣзать мысль слушателя полнымъ диссонансомъ и, чѣмъ больше я пытался это сдѣлать, тѣмъ яснѣе было видно, что это не удастся. Связать два ученія, въ которыхъ все противоположно—не мыслимо.

Одно изъ нихъ должно быть не вѣрно. И, конечно, если будутъ указаны мои ошибки, если всѣ мои возраженія противъ старыхъ исповѣданій будутъ опровергнуты—не я буду жалѣть объ испытанномъ мною крушеніи и охотно откажусь отъ своихъ мыслей, протянувъ руку старой истинѣ, которая отъ этого станетъ только прочнѣе.

Я рѣшился выпустить въ свѣтъ свою работу. Если она есть заблужденіе—опровергнемъ ее, и пусть она канетъ въ лету! Но если она окажется вѣрна, даже въ небольшой части своей—что тогда произойдетъ съ цѣлой отраслью научнаго знанія? Не наступитъ ли въ дѣйствительности полной переоцѣнки цѣнностей и не нарушится ли покой и равновѣсіе тѣхъ авторитетовъ старой мысли, которымъ придется заново переработать цѣлые отдѣлы науки?

Сомнѣваюсь однако чтобы эта ломка совершилась легко и, если новымъ взглядамъ и суждена побѣда, то совершится она въ отдаленномъ будущемъ и послѣ бурныхъ схватокъ.

И такъ впередъ, въ бой! И пусть побѣдитъ одна настоящая научная истина разрушивъ заблужденія, которыя однако все таки останутся достойными уваженія и, будемъ надѣяться, не приведутъ ихъ защитниковъ въ палаты сумасшедшаго дома!

Выпуская въ свѣтъ настоящій трудъ, авторъ хочетъ сказать нѣсколько словъ о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ онъ былъ сдѣ-

ланъ. Для совершенія каждой научной работы изслѣдователь долженъ располагать прежде всего трудолюбіемъ, т. е. желать и любить работать, а во-вторыхъ долженъ быть поставленъ въ условія, дающія ему возможность дѣлать свои изслѣдованія. Для этого государство устраиваетъ лабораторіи и библіотеки, безъ которыхъ невозможно пріобрѣтеніе знаній, служащихъ источникомъ необходимымъ для всякаго движенія впередъ.

Въ нашемъ благословенномъ отечествѣ въ дѣйствительности существуютъ и великолѣпныя библіотеки и дивныя лабораторіи съ приборами красующимися въ видѣ блестящихъ декораций, отѣснившихъ уже давно на задній планъ прелесть таинственной обстановки фаустовскаго кабинета. И въ Россіи существуютъ университеты, академіи, ученыя учрежденія, куда проникнуть, кажется, никто не мѣшаетъ алчущему научной истины, куда, говорятъ, всегда готовы привлечь силы и дѣятельность людей способныхъ, желающихъ посвятить свою жизнь наукѣ и, быть можетъ, обѣщающихъ подарить человѣчеству новымъ словомъ, или поработать надъ проверкою старыхъ научныхъ фактовъ.

Добрая родина! Она гостепріимно разверзаетъ объятія искателямъ научной истины, она покровительствуетъ талантамъ и ободряетъ стремленіе молодыхъ силъ работать на пользу науки. Она уже не издѣвается подобно мефистофелю надъ наивнымъ бакалавромъ, и не совѣтуетъ замѣнять недостающія понятія потокомъ словъ. Она вѣнчаетъ результаты достойной славой, и направляетъ жизнь служителя науки по мирному пути житейскаго благополучія.

Теперь уже не приходится пытливому юношѣ подъ покровомъ непроницаемаго мрака ночи предаваться похищенію труповъ на кладбищахъ, чтобы, разсѣкая ихъ, познавать тайны природы. Теперь и матерьялы научнаго изслѣдованія и дорогіе, сложные, красивые приборы услужливо протягиваютъ свои объятія борцу науки, привѣтливо напѣвая пѣснь любви: «я твой, бери меня!» И вмѣсто таинственнаго мрака средневѣковыхъ сводовъ убѣжища алхимика, свѣтъ большихъ оконъ современныхъ лабораторій усиливается сіяніемъ звѣзды на груди маститаго ученаго, которою вѣнчаетъ его заслуги государство. Почтительный привѣтъ скромнаго почитателя къ ученому оглашаетъ званіемъ «превосходительства» тишину лабораторіи, гдѣ въ среднихъ вѣкахъ виталъ крикъ совы или шорохъ крыла мистическаго вампира.

Итакъ широкій просторъ открывается стремленіямъ научнаго мечтателя и только небольшое желаніе требуется для полного успѣха его дѣятельности.

За чѣмъ же дѣло?

Но доброе отечество отъ научныхъ изслѣдователей требуетъ еще одно весьма важное качество—покладистость характера, безъ патента на которую невозможно проникнуть ни въ коллегіи ученаго міра, ни въ ряды звѣздоносныхъ государственныхъ ученыхъ, ни даже имѣть возможность получить и использовать необходимый предметъ государственной библіотеки или лабораторіи.

Авторъ этого труда обладаетъ безпокойнымъ нравомъ и неуживчивымъ характеромъ. Онъ былъ молодъ, онъ вѣрилъ въ науку и въ истину.

Человѣкъ былъ наивенъ: онъ уважалъ авторитеты и питалъ почтеніе къ храму науки; думалъ, что жрецы его свято блюдаютъ научную истину. Окончивъ свое университетское обученіе со всѣми полагающимися отличіями, первымъ по курсу, награжденный золотой медалью, онъ жадно погрязъ въ научную работу и черезъ 11 мѣс. по окончаніи курса, выдержавъ докторскіе экзамены, представилъ диссертацию на соисканіе ученой степени. Но онъ тогда былъ былъ бѣденъ, а изданіе научныхъ работъ въ Россіи стоитъ дорого. Для того, чтобы получить возможность напечатать свою работу, онъ представилъ ее въ формѣ доклада въ одно ученое общество. Туда явился старикъ профессоръ, недавно появившійся въ этомъ университетскомъ центрѣ, назначенный туда выше, на кафедру химіи, за заслуги оказанныя имъ отечественному театру по леченію балеринъ. Старичекъ профессоръ (онъ умеръ, бѣдняга! царство ему небесное!) былъ обиженъ тѣмъ, что докторъ, дерзнувшій представить трудъ по его спеціальности (химіи, а не балеринъ), не пришелъ ударить челомъ маститому авторитету. Явившись во всевооруженіи своего возмущеннаго духа на ученое засѣданіе, профессоръ сталъ грозно насѣдать на неполучившаго еще научнаго оперенія дерзкаго юнца. Послѣдній однако покорно парировалъ удары и все ждалъ, откуда наконецъ грянетъ тотъ громовой ударъ, который сотретъ съ научнаго поля его слабыя попытки въ поискахъ за истиной. И онъ грянулъ этотъ громъ и стеръ съ лица земли не трудъ, не научную истину, а самого докладчика, давъ ему хорошій жизненный урокъ и на чистомъ опытѣ его послѣдующей жизни убѣдивъ его, что „жить“ и служить наукѣ и истинѣ совершенно бессмысленныя мечты. Шипя со злобой, безпокойно дергая своею мимикою, съ нетерпѣливыми жестами, старикъ, наконецъ, выпалилъ свой всеуничтожающій снарядъ, авторитетно заявивъ:—«почему вы выбрали; (о, неразумный юноша, не спросивъ меня, маститаго авторитета и знатока) для вашего изслѣдованія методъ, дающій 100% ошибки?»

Юноша былъ уничтоженъ.—Но позвольте, г. профессоръ, я нигдѣ не слыхалъ и не читалъ подобнаго мнѣнія, а собранныя мною данныя и провѣрочныя испытанія показали совсѣмъ обратное!

— Ну да, молодой человекъ, вы конечно не читали монографіи Норкинса въ Chemical New, за такой-то годъ.

Молодой человекъ паль ниць передъ авторитетомъ и сконфуженный сложилъ свои монадки, съ пріятной перспективой заново переработать цѣлый отдѣлъ своего изслѣдованія.

Но, думалъ онъ, не можетъ быть, чтобы всѣ другіе авторы, на которыхъ онъ ссылаясь такъ сильно ошибались. Надо во всякомъ случаѣ выписать эту монографію и разобраться. И онъ пошелъ къ книжному комиссіонеру и черезъ двѣ недѣли съ трепетомъ душевнымъ держалъ въ своихъ рукахъ тощій листокъ Ghemical New, тревожными глазами отыскивая въ немъ объемистую монографію. И вотъ дѣйствительно и имя Норкинса! Жадно впившись, читатель ищетъ роковыхъ словъ. Цѣлая буря кипитъ въ его душѣ на тему «быть или не быть»; замираетъ сердце, спираетъ духъ, какъ будто бы у осужденнаго.

Но стойте, гдѣ же? Гдѣ эти роковыя слова? Еще и еще разъ прочитывается небольшая статейка, сличается цитата и вдругъ чувство изумленія, покрывающее начинающее радостно клокотать чувство своей правоты, прорывается въ неудержимомъ возгласѣ:

— Неужели? , неужели старикъ солгалъ? неужели жрецъ науки забылъ и совѣсть, и долгъ и истину и, обуреваемый мелкимъ самолюбіемъ, принесъ ему въ жертву научную правду? Да! старикъ совралъ, въ ученое общество. Докладчикъ правъ, его работа не погубила, факты установленные его работою вѣрны!

Какая буря! Какой ударъ авторитетамъ! Какое полное помраченіе кумировъ, власть которыхъ разрушена навсегда! Жрецы науки лгутъ. Уваженія къ истинѣ не существуетъ, она приносится въ жертву мелочной борьбѣ житейскихъ отношеній!

Ну нѣтъ! бушевалъ въ своей душѣ, молодой человекъ, у котораго сталъ съ этого момента нарождаться безпокойный характеръ,— такъ нельзя! Но что же дѣлать? Молчать невозможно. Камень брошенъ, на упрекъ сдѣланный научной работѣ необходимо возражать и обосновать свое утвержденіе, И молодой докторъ пишетъ въ своей диссертациі представляемой имъ въ факультетъ роковую фразу, что этотъ методъ провѣренъ цѣлымъ рядомъ ученыхъ, „а потому нужно удивляться заявленію проф. N. (я не хочу тревожить имени покойнаго, пусть спитъ мирнымъ сномъ: вѣдь не онъ одинъ оказался плохимъ ревнителемъ научной истины), будто этотъ способъ даетъ 100% ошибки. Если онъ даетъ ее въ рукахъ проф. N. то это явленіе единичное“. <sup>1)</sup>

И вотъ, фактъ неслыханный по своей дезости: диссертациа, въ которой такъ неуважительно отдѣланъ членъ факультета, представ-

---

<sup>1)</sup> Все это въ свое время было опубликовано въ прессѣ. Врачъ за 1895 г.

ляется въ университетскую коллегію, для соисканія ученой степени, а что самое пикантное: диссертация поступает на рецензію того самаго профессора, который въ ней «отработанъ», и который долженъ быть официальнымъ оппонентомъ на публичномъ диспутѣ! Положеніе, безъ сомнѣнія необычное.

Въ факультетѣ поднялась буря: сѣдовласые авторитеты заволновались, ихъ душевный покой былъ нарушенъ неслыханной дерзостью.—Нахалъ, мальчишка! Еще молоко на губахъ не обсохло, а туда же, подрывать авторитеты, спорить съ учителями хочетъ!

И никому не было дѣла до того, что «мальчишка» былъ правъ, что членъ ученой коллегіи солгалъ.

Но за то всѣ почувствовали, что честь факультета задѣта выходкою мальчишки. Помилуйте, какія тамъ истины! какой тамъ Норкинъ! Нѣтъ! вы подумайте, какова дерзость: подать въ факультетъ и на рецензію профессору работу съ такимъ дерзкимъ вызовомъ! И какъ это просмотрѣли? какъ позволили напечатать подобную дерзость?

Научное болото заволновалось. Почтенный предсѣдатель ученаго общества пилилъ секретаря, секретарь посылалъ къ чорту безпокойнаго доктора, въ факультетѣ говорили о неслыханномъ вольнодумствѣ нашего времени и говорили о томъ, что коллегія должна соединиться и дать отпоръ оскорбленію. (Пусть не подумаютъ что оскорбленіе наукѣ нанесено со стороны члена коллегіи изнасиловавшаго научную истину! нѣтъ: со стороны доктора,—безобразника, нарушившаго всѣ завѣты страны и традиціи).

Но у доктора тогда въ факультетѣ были друзья покровители, изъ которыхъ одинъ въ свое время даже напечаталъ подъ своимъ именемъ работу сдѣланную докторомъ, когда онъ былъ еще студентомъ.

Они ласково поговорили съ нимъ на тему о кротости и уваженіи къ старшимъ. Не отрицая того, что нервный старичекъ, потерявъ чувство душевной мѣры, взялъ фальшивую научную ноту, они говорили, что старику можно и спустить, мало ли что случается? Ужъ такъ всякую лыку и въ строку ставить? Они сулили доктору раннюю ученую степень, которую дадутъ несомнѣнно, пусть только онъ вычеркнетъ неуважительныя къ начальству строки. Ну что стоитъ, перепечатать одну страничку?

Но молодой докторъ упорно проявлялъ свой безпокойный нравъ. Онъ говорилъ о святости научныхъ истинъ, о чистомъ служеніи наукѣ, о томъ, что надо жертвовать житейскими выгодами, служенію высокимъ идеаламъ правды

И слушая его, люди, опытные въ жизни, пожимали плечами и не возражая пѣли своѣ: Наконецъ это надоѣло. Дерзкій докторъ говорилъ, что онъ не поступится своими словами, что онъ долженъ

бросить вызовъ, что вся сила вѣдь въ рукахъ оппонента и на публичномъ диспутѣ онъ можетъ его раздѣлать и наказать во всю, если докторъ не правъ. Тогда всѣ возмутились и объявили доктору, что если онъ не сдастся, то лучше пусть не подаетъ диссертациі въ факультетъ, ибо ее раздѣлають и степени ему не видать, какъ своихъ ушей.

Но и это не смутило нахала.

— Ну что же, бракуйте! На диспутѣ мы еще посчитаемся и я сумѣю доказать свою правоту.

— Ну,—отвѣчали авторитеты—этому, положимъ, не бывать. Мы просто ее не допустимъ до диспута, признавъ ее неудовлетворительной, а еще лучше возьмемъ ее изморомъ, продержавъ на разсмотрѣніи 5 лѣтъ; надоѣстъ вѣдь ждать.

— Чепуха! говорилъ докторъ, напишу пока другую диссертацию, а торопиться съ полученіемъ степени мнѣ нечего. Истинность работы мнѣ дороже степени!

И работа поступила въ факультетъ въ началѣ 1895 г. Она была передана на разсмотрѣніе и рецензію обиженному профессору и другому профессору. Доктору объявили, что надежды его безсмыслены, что работа его безъ срока будетъ лежать на разсмотрѣніи.

— Ну и пусть, упрямо твердилъ докторъ, и, махнувъ рукою, сталъ продолжать свои изслѣдованія.

Прошелъ годъ и мѣсяцъ. Однажды доктору надоѣла эта комедія. Онъ пришелъ въ канцелярію факультета и спросилъ.

— Скажите, пожалуйста, когда будетъ разсмотрѣна моя диссертациа?

— Никогда! коротко отвѣчали ему.

— А позвольте узнать, по закону, сколько времени можно держать работу на разсмотрѣніи?

— 6 мѣсяцевъ.

— Куда же нужно обратиться за исполненіемъ закона.

— А попробуйте написать въ Питеръ, язвительно отвѣчалъ секретарь.

— Ладно.

Доктора наконецъ взорвало и онъ написалъ въ Петербургъ заявленіе о томъ, чтобы въ случаѣ, если его работа негодна, ее забраковали, но онъ просилъ, чтобы законъ былъ соблюденъ и осала изморомъ на научную работу была прекращена.

Очень скоро въ факультетъ пришло требованіе исполнить законъ и прекратить насиліе. Факультетъ рѣшилъ поставить на обсужденіе вопросъ о судьбѣ диссертациі въ ближайшей понедѣльникъ.

Тѣмъ временемъ, однако, случился рядъ происшествій, значительно измѣнившихъ судьбу дѣла.

Второй изъ профессоровъ-рецензентовъ представилъ въ факультетъ чрезъ полъ года послѣ подачи работы отзывъ, въ которомъ признавалъ работу достойной допущенію на диспутъ. Но вскорѣ послѣ этого въ другомъ ученомъ обществѣ этотъ второй жрецъ науки, показывалъ больного, котораго случайно пользовалъ въ больницѣ раньше докторъ, и дѣлая докладъ, профессоръ сталъ говорить совсѣмъ не то, что было у больного. Онъ ошибся, а злые языки говорили, что его подвелъ его ассистентъ. Наивный докторъ возразилъ и вышелъ всеобщій конфузъ. Слѣдствіемъ такого вторичнаго вмѣшательства въ дѣла научной истины, благопріятный отзывъ въ факультетъ о работѣ былъ взятъ обратно.

Но этимъ не кончилось дѣло: въ одномъ изъ новыхъ засѣданій ученаго общества докторъ вступилъ въ пренія съ предсѣдателемъ, невѣрно процитировавшимъ сочиненіе. Когда же стали писать протоколъ, то самаго интереснаго въ немъ не оказалось и всѣ настойчивыя требованія внести возраженія доктора, были отвергнуты.

Тогда докторъ торжественно попросилъ „сдѣлать ему честь, вычеркнувъ его фамилію изъ списковъ членовъ общества“, что и было напечатано въ протоколѣ, конечно безъ помѣтки о „сдѣланной чести“.

Въ новомъ засѣданіи ученаго общества профессоръ хирургической патологии докладывалъ объ измѣненіяхъ въ организмѣ его больного, послѣдовавшихъ вслѣдъ за удаленіемъ почки и, въ простотѣ душевной, цѣлый вечеръ толковалъ о *pervus phrenicus*, которымъ иннервируются почки!

Члены факультета, профессора ученые, молча слушали, а докторъ изумлялся и думалъ о томъ, что происходитъ!

— Неужели же никто изъ присутствующихъ не слышитъ того что говорится? того, за что студенту на полукурсовомъ испытаніи поставятъ двойку?

И онъ глядѣлъ съ нетерпѣніемъ на молчаливо безстрастныя лица, и когда открылись пренія, слушалъ любезныя изліянія коллегіи на „интересный докладъ“, а когда послѣ преній предсѣдатель сдѣлалъ заключительный вопросъ:

— Не угодно ли еще кому-нб. сдѣлать какія-нб. замѣчанія?

Всталъ докторъ. Страдальческая гримаса предсѣдателя такъ ясно выражала:

— Опять! ну еще что выкинетъ этотъ несносный человѣкъ?

Докторъ отчеканилъ спокойнымъ методическимъ голосомъ.

— По истинѣ достойно удивленія слышать здѣсь, въ научномъ обществѣ, сообщеніе профессора хирургической патологии о томъ, что почка иннервируется *pervus phrenicus*

И докторъ сѣлъ.